

©

Кирчанов М.В.
ФГБОУ ВО «ВГУ»

**ЯПОНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ИНДОНЕЗИИ:
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТЕЙ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Война и измена: модусы отражения в (нео)советской исторической памяти. Историческая память и политическое сознание в современной России в значительной степени подвержены мифологизации и идеализации. Среди наиболее мифологизированных тем – война – ставшая коллективным местом памяти. Кроме этого тема войны в современной российской идентичности, если таковая и существует, принадлежит также и к числу самых табуированных проблем. Столь широкая идеологизация и табуирование проблем и сюжетов, связанных с войной, в значительной степени осложняет как их научное изучение, фактически, исключая какие бы то ни было дискуссии относительно спорных сюжетов, связанных с военной историей.

Среди самых спорных и проблематичных для изучения сюжетов – проблемы коллаборационизма – сотрудничества стран, которые подверглись оккупации Германией или ее военными и политическими союзниками. Рассматривая проблемы истории коллаборационизма, во внимание следует принимать, что в наибольшей степени изучены вопросы, связанные с сотрудничеством с оккупационными властями в Европе. История оккупационной политики, тактики и стратегии дальневосточного союзника Германии – Японии – в отечественной историографии изучена в гораздо меньшей степени.

Неудобные удобные предатели в советском историческом воображении. Между тем, история Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии¹ периода Второй мировой войны знает многочисленные факты сотрудничества не только местного населения, но и региональных политических, интеллектуальных и религиозных элит с японскими оккупационными властями. Не является исключением и Индонезия, которая до Второй мировой войны существовала в качестве голландской колонии,

а в период войны подверглась японской оккупации. Отношение к коллаборационистам как в политической литературе, так и в академической историографии является чрезвычайно разнообразным. Часть авторов осуждает коллаборационистов как изменников, другие историки, наоборот, склонны видеть в сотрудничестве с оккупантами в период Второй мировой войны последствия более ранней политики социальной, национальной, культурной и религиозной дискриминации тех групп, которые не имели собственной государственности.

Поэтому в историографии в ряде случаев употребляется не совсем академический термин «патриотические предатели»² для описания подобных форм политического и военного коллаборационизма. Условия для сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупационными властями сложились не в период Второй мировой войны, а возникли раньше, будучи заложены политическими и социально-экономическими дискриминационными мерами, инициированными нидерландскими колониальными властями. Во время японской оккупации индонезийские националисты оказались среди тех политических сил в регионе, которые открыто сотрудничали с японскими оккупационными властями. Примечательно и то, что факты сотрудничества с японцами не являлись единичными, а носили массовый и серийный характер. В сотрудничестве с японскими военными и гражданскими властями были замечены практически все значимые фигуры в индонезийском национализме, а именно национализм в Индонезии до начала Второй мировой войны был основой освободительного движения.

Именно индонезийские националисты в середине 1940-х гг. привели Индонезию к обретению политической независимости и созданию собственной государственности. Именно представители этого политического поколения определяли основные векторы и направления развития уже независимой Индонезии до середины 1960-х гг., то есть до смены «направляемой демократии» режимом «нового порядка». Таким образом, основу политического класса в независимой Индонезии до середины 1960-х гг. составляли не только индонезийские политические националисты и активисты, но и в различной степени активные

коллорабационисты, которые в период Второй мировой войны сотрудичали с японскими оккупационными властями.

В то же время известно, что Советский Союз, начиная с 1950-х гг., особое внимание в своей внешней политике уделял региону Юго-Восточной Азии, в том числе – Индонезии. Индонезийский политический лидер Сукарно в советской политической мифологии оказался фигурой не только популярной, но и вполне интегрируемой в официальный советский политический и идеологический дискурс. Усилиями советских авторов, которые занимались изучением Индонезии, вокруг фигуры Сукарно был создан своеобразный романтический ореол, а сам индонезийский лидер наделялся всеми идеологически важными и необходимыми политическими добродетелями. Подобными добродетелями могли в советском политическом воображении наделяться и его сподвижники по национально-освободительной борьбе, в частности – вторая фигура в истории индонезийского национализма после Сукарно – Хатта.

При этом, факты сотрудичества лидеров индонезийских националистов с японскими оккупационными властями³ и специальными службами⁴ пребывали в тени, хотя на завершающем этапе Второй мировой войны СССР принимал участие в войне против Японии и факты сотрудичества с японскими оккупантами на оккупированных территориях, как минимум, должны были оцениваться негативно, но в отношении Индонезии этого не произошло. Советские историки предпочитали столь идеологически и политически опасную тему трактовать с максимально возможной осторожностью. В современной отечественной историографии исследования, посвященные проблемам экономической и политической коллаборации, военного и идеологического сотрудичества индонезийских националистов с японскими оккупационными властями, являются не очень многочисленными.

Поэтому, в центре авторского внимания в настоящей статье будут проблемы коллаборации индонезийских националистов с японскими оккупационными властями в двух уровнях – с одной стороны, нас интересует событийное измерение, связанное с конкретными фактами и проявлениями индонезийского коллаборационизма; с другой, отражение событий периода Второй

мировой войны в различных национальных и идеологически выверенных формах и версиях исторических памятней – в Индонезии, в Нидерландах и в Советском Союзе.

Оккупация... почти без предателей: японская оккупация Индонезии в советском историческом воображении. Столь противоречивый период в истории Индонезии, как японская оккупация, не мог остаться без внимания историков, став чрезвычайно плодородной почвой для мифологизации истории⁵ и создав условия для политических и идеологических манипуляций с прошлым. События периода японской оккупации Индонезии, с одной стороны, и позиция индонезийских националистов, с другой, в различных исторических и политических памятнях получили диаметрально противоположные оценки.

Советская историография предпочитала описывать период японской оккупации Индонезии в идеологически выверенной системе теоретических и методологических координат. Например, в 1972 г. Э.Х. Кямилев указывал на то, что «японские оккупанты», которые в 1942 г. сменили голландцев, принесли «индонезийскому народу новые тяжелые испытания». В целом, советская историография оценивала японскую оккупацию крайне негативно, полагая, что та была ознаменована «настоящим грабежом природных ресурсов страны, от которого страдали трудящиеся массы». Оккупация советскими историками воспринималась в соответствии с искусственно перенесенными идеологическими клише, описываясь как «непрекращающиеся репрессии и полицейский террор». Поэтому, советские историки предпочитали писать о «невыносимых условиях жизни рабочих»⁶, предпочитая при этом не афишировать факты сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупационными властями.

В советской историографии было создано только одно обобщающее исследование, посвященное проблемам истории Индонезии периода японской оккупации. Книга Л.М. Демина была опубликована в 1963 г.⁷ и неизбежно несла в себе все родовые травмы советской историографии. Усилия советских историков были в максимальной степени направлены на демонизацию японской оккупации, что не создавало условия для объективного изучения проблем сотрудничества индонезийских

националистов с японскими оккупационными властями. Проблемы истории оккупации в советской историографии были в значительной степени мифологизированы, а советский идеологически выверенный историографический миф сводился к нескольким моментам, а именно: японские оккупанты, принеся политику «безудержного грабежа» и «большие бедствия индонезийскому народу», «стремились максимально использовать сырьевые ресурсы» Индонезии, а японская оккупация «принесла индонезийскому народу новые тяжелые испытания». В целом усилиями советских историков японская оккупация Индонезии в значительной степени мифологизировалась и демонизировалась: в вину японцам ставили не только «проведение насильственной японизации», но и «многочисленные аресты и убийства стали обычным явлением. Многие прогрессивные деятели, которых не успели арестовать голландцы, были арестованы японцами», они «всячески оскорбляли национальные и религиозные чувства индонезийского народа». При этом советская историографическая позиция в отношении японской оккупации была чрезвычайно непоследовательной. Анализируя проблемы истории Индонезии периода японской оккупации, автоматическое распространение и трансплантация оценок, которые ранее применялись для анализа истории германской оккупации в Западной Европе или на территории СССР, оказалось невозможным и малопродуктивным, хотя советские историки предлагали преимущественно идеологически выверенный набор нарративов в отношении истории Индонезии 1942 – 1945 гг.

С другой стороны, если при описании истории Второй мировой войны в Европе или Великой отечественной войны нейтральные и, тем более, позитивные оценки периода оккупации были невозможны, то в отношении истории Индонезии советские историки могли себе позволить некоторые вольности идеологического плана, которые проявились в описании фактов коллаборационизма будущих лидеров Индонезии. Если Хатта и признавался политиком «правого толка», что советскими историками ставилось ему в вину, то интерпретация роли Сукарно отличалась большей сложностью. С одной стороны, факты его сотрудничества с оккупационной администрацией и даже

встреча с японскими императором признавались, но в советской версии исторического воображения фигуры Сукарно в значительной степени была независимой от тех событий, которые проходили в политической жизни Индонезии периода японской оккупации, то есть советские историки вообще предпочитали не упоминать Сукарно в контексте событий оккупационного периода даже тогда, когда он играл центральную роль.

Советскими историками признавалось и то, что японская оккупация привела к большему распространению индонезийцев на государственной службе, усилению роли индонезийского языка и появлению офицеров-индонезийцев во вспомогательных войсках. Сотрудничество индонезийских националистов советскими историками признавалось, но в условиях политической и идеологической ситуации и конъюнктуры, необходимости развития советско-индонезийского сотрудничества, при понимании того, что коллаборационисты 1942 – 1945 гг. в первой половине 1960-х гг. составляли основу индонезийского политического класса, не критиковалось и не воспринималось как предательство.

Если другие прояпонские и тем более прогерманские коллаборационисты в советской историографии подвергались демонизации, а в советском историческом воображении и вовсе фигурировали в качестве предателей и антигероев, то индонезийские коллаборационисты, которые с оккупационными властями сотрудничали столь же активно как и их «коллеги» на территории Западной Европы, а порой имели и больше формальной независимости и возможностей для маневра, подобной историографической судьбы и маргинализации не разделили, превратившись, наоборот, в прогрессивных политиков, борцов против колониализма и империализма, претендующих на статус политических и идеологических союзников Советского Союза. Подобные тактики и стратегии описания / написания истории периода японской оккупации указывают на то, что советское историческое воображение не только тонко воспринимало и следовало идеологической и политической конъюнктуре, но и могло позволять себе оценки и интерпретации географически отдаленного коллаборационизма, которые были немислимы и

недопустимы в истории СССР или маловероятны в европейской исторической перспективе.

В советской историографии признавалось некоторое определенное позитивное влияние японской оккупации, особенно – в сфере развития индонезийского языка, но подобные нарративы в силу политических и идеологических условий особого развития не получили. В 1969 г. Ю.В. Маретин полагал, что японская оккупация привела не только к значительному ослаблению европейских языков в Индонезии, но содействовала и усилению индонезийского языка, так как именно он был объявлен оккупационными властями в качестве официального. Кроме этого, позитивное воздействие на язык, точнее – на его более широкое распространение, оказало и то, что японцы «на многие официальные должности в различных областях государственной и общественной жизни были вынуждены назначить индонезийцев». Это, как полагали советские историки, привело к тому, что «индонезийский завоевал те позиции, где раньше безраздельно господствовал голландский, в первую очередь сферу общественно-политической жизни». Кроме этого, советскими историками не осуждалось и то, что японцы проводили принудительную мобилизацию и перемещение населения, что содействовало его «более широкому знакомству с индонезийским»⁸. Таким образом, в советской историографии при описании истории Индонезии периода японской оккупации доминировали нарративы, которые сводились к формальному ее осуждению, но при этом признавалось и то, что оккупация оказала определенное позитивное влияние на развитие национального самосознания индонезийцев, в частности – на укрепление позиций индонезийского языка.

В рамках поздней советской историографии признавалось, что японская оккупация Индонезии «положила конец голландскому господству», а простые жители Индонезии были склонны видеть в японцах «освободителей, обративших в бегство ненавистных европейских угнетателей». В начале 1980-х гг. советские историки в определенной степени пересмотрели более ранние ортодоксальные интерпретации, признав, что «японские власти не только сохранили за индонезийцами посты, но и передали им некоторые должности, ранее занимаемые голланд-

скими чиновниками». Тем не менее, советские историки настаивали на том, что японские власти оскорбляли «национальные и религиозные чувства индонезийцев». Советские историки признавали и факт сотрудничества Сукарно с японцами ради достижения единства в индонезийском национальном движении⁹. В этом отношении позиция советской историографии начала 1980-х гг. в отношении сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупационными властями отличалась определенной двойственностью: признавая факты коллаборационизма, советские авторы все же полагали, что не сотрудничество, а сопротивление стало магистральной линией в индонезийской истории периода Второй мировой войны.

Оккупация с «квислингами», предателями и коллаборационистами, или европейские рецидивы колониальности. Европейские (преимущественно – голландские авторы) оценивают японскую оккупацию Индонезии крайне негативно, что стало следствием политических и идеологических причин. Отрицательное отношение к сотрудничеству индонезийских националистов с японцами стало следствием инерционного развития нидерландской историографии¹⁰, представители которой, с одной стороны, не очень склонны признавать факты коллаборации с германскими властями в оккупированных Нидерландах¹¹, но при этом, с другой стороны, автоматически переносят негативные и морализаторские суждения с европейских коллаборационистов на индонезийских националистов, рассматривая последних как предателей и местных «квислингов», что можно воспринимать различно, хотя в подобном морализаторстве кроме идеализма содержится немало элементов европоцентристского и колонизаторского дискурса.

Подобное же отношение характерно и для французской историографии, некоторые представители которой (например, Жоэль Котек и Пьер Ригуло¹²) предпочитают описывать японские зверства в отношении голландцев, не забывая упоминать и то, что с японцами сотрудничали индонезийцы, выполняя, в частности, функции надзирателей в тех лагерях, в которые были направлены бывшие голландские колониальные чиновники, игнорируя при этом объективные противоречия между голландцами и индонезийцами, возникшие в колониальную эпоху,

что проявлялось в ущемлении прав и преследовании индонезийцев. Доминирование подобных нарративов в голландской и французской историографической традиции свидетельствует о сознательной и намеренной фрагментации исторической памяти, апологетики колониализма и стремлении переложить ответственность на представителей индонезийского национально-освободительного движения, представив их исключительно в качестве изменников и коллаборационистов.

Оккупация с националистами: японская оккупация в несоветском историческом воображении. Ранняя постсоветская историография несла в себе родовые травмы переходного периода и поэтому оценки оккупации российскими историками в первой половине 1990-х гг. были весьма специфическими. В.А. Цыганов, например, полагал, что японская оккупация в целом имела негативное значение для Индонезии, утверждая, что японцы «пытались покончить с индонезийской государственностью, расчленив страну на три зоны оккупации», хотя неясно о какой «государственности» идет речь, если к моменту начала оккупации Индонезия не имела суверенитета, а на ее территории действовала голландская колониальная администрация. Сукарно и Хатта инерционно позиционировались как индонезийские патриоты, связанные с «антияпонским подпольем»¹³, а факты сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупантами практически игнорировались.

Современная российская интерпретация истории Индонезии периода японской оккупации в определенной степени основана на модифицированном воспроизводстве старых советских «больших нарративов». В синтетическом виде эти нарративы доступны, например, в единственной постсоветской «Истории Индонезии» А.Ю. Другова и В.А. Тюрина, опубликованной в 2005 г. и сфокусированной на ее новейшей истории. В целом, пребывая в рамках событийной парадигмы, российские историки дают периоду оккупации следующую интерпретацию. Во-первых, оккупация Индонезии со стороны Японской Империи была «тяжелым временем для населения», которое «попало под власть новых колонизаторов». Во-вторых, Япония преследовала свои агрессивные цели и интересы и «иллюзии, связанные с приходом японцев, развеялись очень быстро», так

как «стало ясно, что никакого освобождения от колониального гнета приход новых хозяев не принес». В-третьих, интересы и мотивы Японии в Индонезии носили преимущественно экономический характер, а «экономическая политика оккупантов была направлена на использование ресурсов Индонезии в интересах военной экономики Японии». В-четвертых, Японская Империя в Индонезии выступала именно в качестве оккупанта и поэтому «японские колонизаторы мало заботились о создании опоры в местном обществе, действуя террором и запугиванием», а «оккупанты оскорбляли национальные и религиозные чувства народа». В-пятых, на протяжении оккупации «национально-освободительная борьба индонезийского народа»¹⁴ была магистральной тенденцией в истории Индонезии.

При этом современными российскими историками, несмотря на такой несоветский бэкграунд в интерпретации истории оккупации, признаются факты сотрудничества индонезийских националистов с японцами и то, что на Западе те имели репутацию «горстки прояпонских квислингов»¹⁵. В целом, эти противоречивая и политически не очень удобная страница в истории Индонезии сводится к следующему. Японская оккупация привела к более широкому распространению индонезийского языка, так как «употребление голландского было строгойше запрещено». Нейтрально или относительно нейтрально в современной российской историографии описывается то, что японская администрация разрешила такие проявления индонезийского национального самосознания как красно-белый флаг и исполнение гимна, а также обещала организовать исламский университет. Японские оккупационные власти смогли привлечь к сотрудничеству лидеров индонезийского национализма, в том числе – Сукарно и Хатту.

Современными российскими историками признается и то, что сами индонезийские националистические лидеры пошли на сотрудничество с оккупационными властями и использовали полученные возможности для «пропаганды своих идей и политической организации населения». Кроме этого отмечается и то, что индонезийские националисты, которые одновременно фактически сотрудничали с японцами, периодически страдали от их действий, так как японцы им не доверяли и распускали

националистические организации. С другой стороны, в рамках современного историографического дискурса оккупации признается, что политика Японии была противоречивой: распуская одни организации, они создавали новые (например, «Машу-ми»¹⁶), влияние и роль которых актуализируется спустя несколько лет в уже независимой Индонезии. В целом, современными российскими историками признается, что Сукарно, образ которого в советской историографии был окружен мифом прогрессивности, сотрудничал с японскими оккупационными властями, но в актуальной историографии подчеркивается, что такая коллаборация носила в большей степени вынужденный характер, будучи подчиненной задачам национального и освободительного движения.

Эти положения ранее формировали советский историографический миф о японской оккупации Индонезии. На современном этапе они составляют основу его постсоветской версии. В целом, на интерпретации истории Индонезии периода японской оккупации нередко проецируются некоторые моменты из «большой» российской исторической памяти, в рамках которой память о войне является одним из системных элементов. В подобном контексте оккупация может оцениваться и оценивается исключительно негативно, что создает условия для развития нарративов, активно апробированных при описании советского опыта Великой Отечественной войны, то есть нарративы, призванные описать тяготы оккупации, непоколебимость народным масс, склонность к национальному освобождению автоматически переносятся и применяются для описания / написания истории Индонезии, но ситуация осложняется тем, что история Второй мировой войны не была столь простой и знала факты, которые в эту версию историонаписания интегрируются крайне плохо. Речь идет о фактах сотрудничества с оккупационной администрацией и врагом как универсальным коллективным Другим вообще. Поэтому, российские историки не отрицают фактов сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупантами, но склонны эти эпизоды воспринимать как второстепенные в политической истории Индонезии Второй мировой войны, полагая, что не коллаборация, а резистенция была магистральной линией в индонезийской военной истории.

В подобной ситуации негативные нарративы об оккупации в рамках инерционной модели развития и функционирования исторической памяти, исторического и политического воображения не только могут переноситься, но и фактически распространяются на национальные истории других стран, которые в той или иной степени также стали жертвами Второй мировой войны, пережив период оккупации.

Оккупация с националистами и коллаборационистами: японская оккупация в англоязычной историографии. В англоязычной историографии проблемы сотрудничества и взаимодействия индонезийских националистов с японскими оккупационными властями получают несколько иную, отличную интерпретацию. Американские историки, которые занимались изучением новейшей истории Индонезии периода оккупации, указывают на то, что появление японцев объективно привело к ослаблению голландского фактора и актуализации качественно новых тенденций в политической жизни Индонезии. Японская оккупация стала не только важным событием в новейшей истории Индонезии, но эпизоды, связанные с сотрудничеством с японцами, присутствуют в политических биографиях индонезийских политиков (от Сукарно до Сухарто¹⁷), которые были лидерами страны до 1998 г.

Дж.Д. Легге в 1988 г.¹⁸ указывал на то, что представители различных течений в индонезийском национализме во время Второй мировой войны в зависимости от ситуации и их политических и идеологических предпочтений могли как сотрудничать, так и отказаться от подобной политически мотивированной коллаборации с японцами, но сама японская оккупация в целом для индонезийского национализма и Индонезии, за которую он боролся, имела позитивное значение в силу целого ряда факторов, так как временно избавило Индонезию от голландской администрации (впрочем, и после войны индонезийские националисты приложили все усилия, чтобы не допустить ее возвращения) и политизировало широки слои населения, в том числе и молодежь, которая после завершения Второй мировой войны боролась уже против Нидерландов.

Оккупация с оккупантами и националистами, но без измены и предательства: японская оккупация в историче-

ском воображении индонезийского национализма. В индонезийской историографии¹⁹, которая в своем развитии испытала несомненное влияние со стороны западных исследователей индонезийского национализма²⁰, интерпретация истории периода оккупации самым тесным образом переплетены с доминированием национальной парадигмы в конструировании образов истории. Японская оккупация в рамках индонезийского исторического воображения и связанного с ним политического мифа интерпретируется в категориях политической истории и борьбы за независимость, в том числе – и вооруженного сотрудничества с японцами²¹. Кроме этого в индонезийской историографии предпринимаются попытки²² представить историю Индонезии периода японской оккупации в междисциплинарном контексте, в частности – на стыке культурной, литературной и интеллектуальной истории. Большинство подобных исследований индонезийских авторов²³ сфокусировано на анализе текстов, хронологически и политически связанных с периодом японской оккупации.

Поэтому, японская оккупация рассматривается как составная часть культурной и литературной истории Индонезии, которая была отмечена уникальными тенденциями в развитии, например, индонезийского театра. При этом в подобных студиях в одинаковой степени актуализируется потенциал как политической, так и культурной истории: индонезийскими историками деятельность националистов в период оккупации анализируются как коллективное место исторической памяти, отмеченное попытками унификации идентичности и попытками ее политизации в прояпонском направлении. В ряде случаев в индонезийской историографии национальный / националистический нарратив переплетается с другими измерениями истории, например – с гендерной (это, например, относится к небольшому числу работ, посвященных принудительной проституции²⁴) или религиозной историей²⁵. Примечательно и то, что в индонезийской исторической литературе факт оккупации не демонизируется, так как на момент оккупации со стороны Японии Индонезия не обладала суверенитетом.

В подобной ситуации сложились благоприятные условия для исторической идеализации и мифологизации событий пе-

риода оккупации. В качестве фактора, который также содействует мифологизации периода оккупации, следует признать и то, что два индонезийских президента, несмотря на все дебаты относительно их политического наследия, в той или иной мере сотрудничали с японцами. Важную роль в восприятии оккупации в Индонезии играет и то, что она является постколониальной страной, которая в прошлом стала жертвой западной европейской колонизации. В подобной ситуации поражение Нидерландов от Германии во Второй мировой войне в Европе и от Японии в Юго-Восточной Азии у индонезийских историков чувства сожаления не вызывает. Поэтому негативные или сугубо отрицательные оценки и интерпретации японской оккупации в индонезийской историографии практически невозможны, будучи замененными позитивными или нейтрально событийными попытками описания событий, связанных с оккупацией, так как они чреваты историческим ревизионизмом и пересмотром центральной роли в создании Индонезии и обретении независимости националистического движения, которое не только боролось против Голландии, но и воспользовалось ее поражением во Второй мировой войне, пойдя на временный союз с Японской империей.

Неизбежная множественность исторических памятей об оккупации: итоги и перспективы исследования. Подводя итоги, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с функционированием памяти, точнее – различных памятей, о сотрудничестве с японскими оккупационными властями в период Второй мировой войны на территории будущей Индонезии.

Память о фактах коллаборации в Индонезии после завершения Второй мировой войны в значительной степени оказалась не только политически и идеологически выверенной, но и фрагментированной. После Второй мировой войны о событиях периода японской оккупации одновременно сосуществовали и функционировали как внутренние, так и внешние версии памяти или интерпретации событий. Внутренними можно признать индонезийскую и голландскую версии, а внешними – те, которые были предложены в советской и американской историографиях. Индонезийские историки и интеллектуалы, рассмат-

ривая события периода Второй мировой войны и японской оккупации, были склонны интегрировать события этого времени в историю индонезийского национализма, а сотрудничество с японцами воспринималось как тактический шаг в борьбе, направленной на получение политической независимости.

Иные интерпретации в индонезийской историографии и исторической памяти были вряд ли вероятны и возможны, так как лидеры индонезийского национализма были замечены в сотрудничестве с японскими оккупационными властями. С японцами сотрудничал и будущий второй президент Индонезии Сухарто. В индонезийской историографии проблемы истории периода Второй мировой войны и сотрудничества с японскими оккупационными властями подверглись идеологизации, что привело к развитию мифа о поражении голландцев как европейцев от японцев как азиатской нации. Несколько иначе оценивались эти события в голландской исторической памяти и историографии, которые чрезвычайно болезненно восприняли потерю Индонезии. Поэтому, индонезийские националисты, которые в индонезийской исторической памяти обрели статус отцов-основателей Индонезии как независимого государства, в голландской историографии на протяжении длительного времени претендовали на статус местных квислингов, то есть могли фигурировать в исключительно негативном контексте.

В этом отношении память о Второй мировой войне содействует отдалению голландской и индонезийской идентичностей, особенно если принять во внимание и то, что сами Нидерланды пали жертвой немецкой оккупации. В голландской исторической памяти местные коллаборационисты, которые сотрудничали с немцами, воспринимаются исключительно как предатели. Подобные негативные нарративы голландскими политиками в середине 1940-х гг. распространялись и на Индонезию, но за индонезийскими коллаборантами стояло мощное национальное и освободительное движение. Поэтому, предатели и «квислинги» для Нидерландов оказались национальными героями для последующих поколений индонезийских политиков и историков.

Советская и американская версии истории Второй мировой войны и японской оккупации Индонезии являются не только

внешними, но и написанными в качественно разных системах идеологических координат. Советские историки пытались не замечать сотрудничества индонезийских националистов с японцами, особенно – в контексте того, что формально прогрессивный политик Сукарно сотрудничал в период войны с японскими властями. Советские авторы и их современные российские наследники, в целом, продолжают оценивать японскую оккупацию негативно, предпочитая писать о тяготах, которые переживали индонезийцы, не акцентируя внимания на политически неудобных для российской исторической памяти фактах сотрудничества с Японией, которая формально во Второй мировой войне была союзницей Германии. Американская историография в этом отношении демонстрирует более узкую специализацию, будучи сосредоточенной на политическом сотрудничестве индонезийских националистов с японскими властями, в целом признавая и воспринимая коллаборационизм как один из эпизодов в политических биографиях тех, кто после создания независимой Индонезии составил основу ее политических и военных элит.

Таким образом, исторические и политические памяти об Индонезии периода Второй мировой войны и японской оккупации оказались в значительной степени фрагментированными и подчиненными разного рода идеологическим и методологическим предпочтениям в советской, российской и американской историографиях, логике политики и идеологии, стремлениям освободительного национализма в индонезийском и имперской ностальгии по утраченным колониям в голландском случае. Сосуществование столь различных версий исторической и политической памяти в отношении японской оккупации в Индонезии свидетельствует о значительной фрагментации исторического и политического воображения, одновременном сосуществовании различных версий восприятия прошлого, что придает дополнительную актуальность изучению проблем, связанных со стратегиями исторической памяти и работы с прошлым.

¹ Newell W.H. *Japan in Asia, 1942 – 1945* / W.H. Newell. – Singapore University Press, 1982. – 123 p.; *The Japanese Experience in Indonesia: Selected Memoirs of 1942-1945* / eds. A. Reid, Akira Oki. – Ohio University Press, 1986. – 424 p.; *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War* / eds. P. Post, W. Frederick and others. – Brill Academic Publishers, 2009. – 710 p.

² Littlejohn D. *The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-Occupied Europe, 1940 – 1945* / D. Littlejohn. – L.: Heinemann, 1972. – 391 p.

³ Об этапе в политической биографии Сукарно, связанном с сотрудничеством с японцами, см. подробнее: Giebels L.J. *Soekarno: Nederlandsch Onderdaan – Een Biografie 1901-1950* / L.J. Giebels. – Bert Bakker, 1999. – 531 p.; Hering B. *Soekarno: Founding Father of Indonesia, 1901 – 1945* / B. Hering. – Koninklijk Instituut Voor de Tropen, 2002. – 439 p.; Legge J. *Su- karno: A Political Biography* / J. Legge. – Butterworth-Heinemann, 2007. – 480 p. О сотрудничестве Хатты с японскими оккупационными властями см.: Imran A. *Mohammad Hatta: Pejuang, Proklamator, Pemimpin, Manusia Biasa* / A. Imran. – Jakarta: Mutiara Sumber, 1991; Noer D. *Mohammad Hatta, Biografi Politik* / D. Noer. – Jakarta: LP3ES, 1990; Rose M. *Indonesia free: a political biography of Mohammad Hatta* / M. Rose. – Ithaca: Cornell Modern Indonesia Project, Southeast Asia Program, Cornell University, 1987. – 237 p. О сотрудничестве других лидеров индонезийского национализма с японцами см.: Anwar R. *Sutan Sjahrir: Demokrat Sejati, Pejuang Kemanusiaan* / R. Anwar. – Jakarta: Penerbit Buku Kompas – KITLV Press, 2010; Legge J.D. *Kaum Intelektual dan Perjuangan Kemerdekaan. Peranan Kelompok Sjahrir* / J.D. Legge. – Jakarta, Pustaka Utama Grafiti, 1993; Mrazek R. *Sjahrir: politics in exile in Indonesia* / R. Mrazek. – Cornell: Cornell South East Asia program, 1994; Mrazek R. *Sjahrir: Politik dan Pengasingan di Indonesia* / R. Mrazek. – Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 1996.

⁴ *The Kenpeitai in Java and Sumatra: selections from The authentic history of the Kenpeitai (Nihon kenpei seishi) by the National Federation of Kenpeitai Veterans' Associations (Zenkoku Kenyukai Rengokai Hensan Inkai)* / translated by Barbara Gifford Shimer and Guy Hobbs; with an introduction by Theodore Friend. – Ithaca: Cornell Modern Indonesia Project, 1986. – 74 p.

⁵ *Japan, Indonesia and the War: Myths and Realities* / eds. Peter Post and Elly Touwen-Bouwisma. – Leiden: KITLV Press, 1997. – 214 p.

⁶ Кямилев Э.Х. *Завоевание Индонезией независимости* / Э.Х. Кямилев. – М.: Издательство «Наука», 1972. – С. 3 – 6.

⁷ Демин Л.М. *Японская оккупация Индонезии (1942 – 1945 гг.)* / Л.М. Демин. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 236 с.

⁸ Маретин Ю.В. *Особенности бахаса индонесиа как государственного языка Республики Индонезия* / Ю.В. Маретин // *Вопросы социальной*

лингвистики. – Л.: Наука, 1969. – С. 182 – 218 [Маретин Ю.В. Индонезия. Избранные работы / ред. В.Ю. Зуев, С.А. Маретина, Ч.М. Таксами / Ю.В. Маретин. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 169 – 206].

⁹ Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография / М.С. Капица, Н.П. Малетин. – М.: Мысль, 1980. – С. 67 – 88.

¹⁰ Grevers H. Van landverraders tot goede vaderlanders: de opsluiting van collaborateurs in Nederland en België 1944 – 1950 / H. Grevers. – Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2014. – 399 p.; Tames I. Doorn in het vlees: foute Nederlanders in de jaren vijftig en zestig / I. Tames. – Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2013. – 356 p.

¹¹ Hirschfeld G. Nazi rule and Dutch collaboration: the Netherlands under German occupation, 1940 – 1945 / G. Hirschfeld. – Berg Publishers, 1988.

¹² Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / Ж. Котек, П. Ригуло / пер. с франц. Е. Мурашкинцевой, Н. Малыхиной, Ю. Розенберг. – М.: Текст, 2003. – С. 371 – 377.

¹³ Цыганов В.А. История Индонезии / В.А. Цыганов. – М.: Издательство Московского университета, 1993. – Ч. 2. – С. 42 – 45.

¹⁴ Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век / А.Ю. Другов, В.А. Тюрин. – М.: ИВ РАН, 2005. – С. 127 – 128.

¹⁵ Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. – С. 144.

¹⁶ Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. – С. 128 – 130.

¹⁷ Jenkins D. Soeharto and the Japanese occupation / D. Jenkins // *Indonesia*. – 2009. – Vol. 88. – October. – P. 1 – 103.

¹⁸ Legge J.D. Intellectuals and Nationalism in Indonesia. A Study of the Following recruited by Sutan Sjahrir in Occupation Jakarta / J.D. Legge. – Cornell: Cornell Modern Indonesia Project, 1988. – P. 41 – 42.

¹⁹ Atmoko D., Haryono A., Purwanto H., Soewarno P.J., Rahmanto B. Politik Penguasa dan Siasat Pemoeda: Nasionalisme dan Pendudukan Jepang di Indonesia / D. Atmoko, A. Haryono, H. Purwanto, P.J. Soewarno, B. Rahmanto. – Jakarta: Kanisius dan Lembaga Studi Realino, 1994. – 161 p.; Radikalisme Lokal: Oposisi dan Perlawanan terhadap Pendudukan Jepang di Jawa (1942 – 1945) / ed. A. Lucas. – Jakarta: Syarikat Indonesia, 2012. – 519 p.; Notosusanto N. Tentara PETA pada Jaman Pendudukan Jepang di Indonesia / N. Notosusanto. – Jakarta: Gramedia, 1979. – 194 p.; Latief A. Pers di Indonesia: Di Zaman Pendudukan Jepang / A. Latief. – Jakarta: Karya Anda, 1980. – 132 p.; Oktorino N. Ensiklopedi Pendudukan Jepang di Indonesia / N. Oktorino. – Jakarta: Elex Media Komputindo, 2013. – 152 p.

²⁰ Anderson B. Revoloesi Pemoeda: Pendudukan Jepang dan Perlawanan di Jawa 1944 – 1946 / B. Anderson. – Jakarta: Pustaka Sinar Harapan, 1988. – 554 p.; Kurasawa A. Mobilisasi dan Kontrol: Studi tentang Perubahan Sosial di Pedesaan Jawa, 1942 – 1945 / A. Kurasawa / penterjemah Hermawan Su-

listyo. – Jakarta: Gramedia Widiasarana Indonesia dan Yayasan Karti Sarana, 1993. – 563 p.; Zed M., Kurasawa A. *Giyugun: Cikal-bakal Tentara Nasional di Sumatera* / M. Zed, A. Kurasawa. – Jakarta: LP3ES, 2005. – 243 p.; Kurasawa A. *Kuasa Jepang di Jawa: Perubahan Sosial di Pedesaan Jawa 1942 – 1945* / A. Kurasawa. – Jakarta: Komunitas Bambu, 2014. – 620 p.

²¹ Frederick W. *The Putera Reports: Problems in Indonesian-Japanese War-time Cooperation* / W. Frederick. – Equinox Publishing, 2009. – 128 p.; Lebra J.C. *Japanese trained armies in Southeast Asia* / J.C. Lebra. – Hong Kong: Heinemann Educational Books (Asia) Ltd., 1977. – 226 p.; Suryanegara M. *Pemberontakan Tentara PETA di Cileunca Pangalengan Bandung Selatan* / M. Suryanegara. – Jakarta, 1996; Suwondo P.S. *PETA: Tentara Sukarela Pembela Tanah Air di Jawa dan Sumatera 1942 – 1945* / P.S. Suwondo. – Jakarta: Pustaka Sinar Harapan, 1996. – 295 p.; Bachtiar H.W. *Siapa Dia?: Perwira Tinggi Tentara Nasional Indonesia Angkatan* / H.W. Bachtiar. – Jakarta: Darat Penerbit Djambatan, 1988.

²² Yoesoef M. *Drama di masa pendudukan Jepang (1942 – 1945): sebuah catatan tentang manusia Indonesia di zaman perang* / M. Yoesoef // Makara. *Sosial Humaniora*. – 2010. – Vol. 14. – No 1. – Juli. – P. 11 – 16.

²³ Jassin H.B. *Kesusastraan Indonesia di masa Jepang* / H.B. Jassin. – Jakarta: Balai Pustaka, 1968; Yoesoef M. *Lakon-lakon masa Jepang (1942 – 1945): Sebuah refleksi sosial-budaya masa perang*. Skripsi / M. Yoesoef. – Jakarta: Fakultas Sastra Universitas Indonesia, 1988.

²⁴ Budi Hartono A., Juliantoro D. *Derita Paksa Perempuan: Kisah Jugun Ianfu Pada Masa Pendudukan Jepang, 1942 – 1945* / A. Budi Hartono, D. Juliantoro. – Jakarta: Pustaka Sinar Harapan, 1997. – 230 p.

²⁵ Benda H.J. *Bulan Sabit dan Matahari Terbit: Islam Indonesia pada Masa Pendudukan Jepang* / H.J. Benda. – Jakarta: Dunia Pustaka Jaya dan Yayasan Ilmu-ilmu Sosial, 1985. – 344 p.